

**ИЗ ИСТОРИИ САХАЛИНСКИХ АЙНОВ –
ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ: 1875–1948 гг.**

Ключевые слова: Япония, Россия, Южный Сахалин, Карафутто, Хоккайдо, сахалинские айны, миграция, ассимиляция, исикари-айны

В своей многовековой истории айнскому народу удавалось сохранять культурную самобытность на дальневосточных островах (Хонсю, Хоккайдо, Сахалин и Курилы). В XIX в. айны еще разделялись на курильскую, сахалинскую (карафутскую) и хоккайдскую группы, которые различались образом жизни, диалектными особенностями языка. В статье анализируются некоторые аспекты истории одной из трех групп айнского народа – сахалинских айнов (самоназвание *enchiw*) – в период с 1875 по 1948 г.: выявляются причины их вынужденных миграций, особенности процесса их ассимиляции в условиях противостояния России и Японии на Дальнем Востоке. За этот промежуток времени сахалинские айны пережили три миграции. Сначала в 1875 г. часть айнов была насильственно переселена на Хоккайдо, затем в 1905 г., после поражения России в войне с Японией, они вернулись на Сахалин. В ходе третьей миграции (в конце 1940-х годов) почти все сахалинские айны покинули родные места и сегодня живут в Японии.

DOI: 10.31857/S086954150000410-1

Изучение истории и культуры сахалинских айнов, неоднократно становившихся мигрантами в 1875–1948 гг., и тем более наблюдение за дальнейшей трансформацией их жизни в социокультурном и социально-экономическом аспектах представляются современным российским исследователям нелегкой задачей по двум основным причинам.

Во-первых, в конце 1940-х годов сахалинские айны почти полностью репатриировались в Японию (*Подпечников* 1993: 102). В основном это “были ояпонившиеся айны, потерявшие вместе с родным языком все самобытные стороны... культуры” (*Арутюнов* 1988: 27). Сейчас только небольшая часть бывших сахалинцев живет компактно в районе Вакасаканай (Хоккайдо), остальные рассеялись по стране, стремясь найти работу и избежать дискриминации со стороны не только японцев, но и хоккайдских айнов, на чьих землях они снова оказались (как это было в 1875 г.).

Во-вторых, до недавнего времени большинство сахалинских аборигенов не имело четкого этнического самоопределения. Только недавно, в 2001 г., они организовали Ассоциацию сахалинских айнов. Хотя для названия ассоциации было выбрано сочетание *сахалинские айны*, ее члены оговорили право называть себя *enchiw*, заявив, что термины являются синонимами (*Inoue* 2016: 83–84).

Период русско-японского двоевластия на Южном Сахалине, с 1854 по 1875 г., развил в айнах осторожность и осмотрительность, и в последующем они постоянно опасались, что их лишат земли предков. Коренной народ Сахалина оказался разделен в период с 1875 г. и до 1905 г. Третий айнского племени, 850 человек (*Takakura* 1943: 452–453), по другим данным 841 человек (*Akizuki* 1994: 254–255), была насильственно

Софья Чуновна Лим | <http://orcid.org/0000-0002-5294-8608> | Lcsafia@yandex.ru | д. и. н., профессор департамента истории и археологии | Дальневосточный федеральный университет (ул. Суханова 8, Владивосток, 690091, Россия)

Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086954150000410-1>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

вывезена на Хоккайдо и подверглась *японизации*, а другие оставались на Сахалине — они стали российскими подданными, но не избавились от эксплуатации со стороны японских рыбопромышленников. Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. позволило вынужденным мигрантам — сахалинским айнам (*исикари-айну*) — возвратиться на Южный Сахалин. Таким образом, в период с 1905 по 1945 г. они все находились на родине, но уже в японском государстве, и оставались на Южном Сахалине, уже советской территории, до своей репатриации в конце 1948 г.

Сахалинские мигранты (исикари-айну) на Хоккайдо (1875–1905 гг.). Санкт-Петербургский договор 1875 г. явился компромиссом в русско-японском споре о дальневосточных островах: Россия оставляла в своем полном владении остров Сахалин, уступив Японии Курильские острова. По дополнительному Токийскому соглашению 1875 г. переселение японских подданных могло быть осуществлено в течение трех лет, а остающиеся на Сахалине жители становятся подданными России (*Akizuki* 1994: 252–253). Д.Н. Анучин считал, что сахалинские айны, привыкшие к свободе, не любили японцев, но “пожелали, однако, последовать за ними и переселились действительно на о. Иессо” (*Анучин* 1876: 122). На самом деле чиновники колонизационного бюро Японии старались убедить айнов переехать на малонаселенный остров Хоккайдо, имея в виду, что покидавшие Анивский залив Сахалина японские рыбопромышленники компаний Датэ и Сухара нуждаются в рабочей силе для своих промыслов (*Akizuki* 1994: 251–253). А.Э. Оларовский из консульства Хакодатэ послал К.В. Струве, поверенному в делах в Японии, возмущенное донесение от 14 декабря 1875 г. о том, что японские власти применяли недостойные средства, чтобы уговорить айнов переехать на Хоккайдо (*Файнберг* 1960: 283–284).

Туземцы соглашались переселиться только в район мыса Соя, отделенного от южного берега о. Сахалин узким проливом Лаперуза, надеясь, что оттуда они смогут посещать могилы предков. В итоге японцы переселили около 300 айнских семей, в основном из поселений Оотомари, Кайдзука (Анивский залив), объявив их подданными Японии (*Yasiro* 1927: 13). Но Агентство развития Хоккайдо, стремясь ассимилировать сахалинских айнов, определило местом их постоянного проживания болотистый берег р. Исикари в Цуисикари (*Akizuki* 1994: 251–253). Настойчивые попытки правительства переселить айнов из Соя встречали упорное сопротивление. 26 апреля 1876 г. 22 айнских старейшины обратились к властям с письмом о том, что в такой ситуации они намерены построить лодки и вернуться на Сахалин. Тем не менее в июне 1876 г. Агентство по развитию Хоккайдо и вооруженная полиция насильственно погрузили сахалинцев на два военных корабля, высадили в г. Отару и перевезли в селение Цуисикари у реки Исикари, в 25–30 км от морского побережья (*Akizuki* 1994: 251–253). Хоккайдские власти в октябре 1875 г. для осуществления переезда и устройства сахалинских айнов израсходовали 19 980 иен: расходы на эвакуацию из Соя в районе Исикари, обустройство поселения, обеспечение рисом и другими продуктами. В 1876–1877 гг., продолжая обеспечивать айнов продуктами питания (на сумму в 38 737 иен), власти оказали финансовую поддержку и в обустройстве айнских рыбопромыслов (11 692 иены) (*Takakura* 1943: 452–453).

В дальнейшем (когда в конце 1880-х годов и после русско-японской войны мигранты стали возвращаться в родные места) их стали называть *исикари-айну*, чтобы отличать их от соплеменников, оставшихся после 1875 г. на Сахалине.

Д. Хауелл отмечает, что создание в 1876 г. поселения Цуисикари для сахалинских айнов стало первой попыткой системного вмешательства правительства Мэйдзи в жизнь аборигенного народа для ликвидации его культуры и для *японизации* образа жизни и что правительство, несмотря на неудачу, продолжало попытки распространить этот опыт на всех айнов Хоккайдо (*Howell* 2005: 188). Японские власти надеялись принудить одних заниматься земледелием, выделив им земельные участки Цуисикари, а других — работать на рыбалке, выделив три участка для промысла. Рыбные промыслы находились далеко от мест расселения, в Ацута, поэтому мужчины большую часть времени были оторваны от своих семей (*Akizuki* 1994: 254–255).

Новые поселенцы выстроили в Цуисикари около 200 хижин сахалинского типа. Мужчины рыбачили, работали в поле, а женщины делали рыболовные сети на местном предприятии (*Yamabe* 1913: 15–16). Власти организовали для айнок специальное обучение изготовлению сетей. Численность работающих айнок увеличилась с 40 человек в 1876 г. почти до 100 человек в 1880 г. Мужчин, особенно юношей, власти пытались обучить выделке кожи на курсах в Саппоро, но усилия оказались безрезультатными. Айны предпочитали заниматься рыбалкой: к 1880 г. на айнских промыслах работало примерно 120 мужчин и женщин, на других, японских – 56 человек. Попытка приучить их к полевым занятиям, чтобы они могли самостоятельно обеспечить свое пропитание, достигла, как казалось, определенного результата, но эпидемия холеры 1878 г. положила конец всем попыткам фермеризации айнов (*Takakura* 1943: 452–453, 467). В 1882 г. была предпринята попытка организовать кооператив взаимопомощи сахалинских мигрантов в Цуисикари, но она оказалась неудачной (*Inoue* 2016: 77).

В 1877 г. в Цуисикари был устроен школьный пункт для айнских детей, который в 1880 г. преобразовался в школу. Власти снабжали айнских детей кистями, тушью, бумагой и бесплатными обедами, платили учителю жалованье. Первым наставником сахалинских детей в Цуисикари был врач Окоти Фумисабуро, работавший на Сахалине и неплохо знавший их язык. Ему приходилось прерывать занятия с детьми, когда появлялись больные. По воспоминаниям его учеников, можно было насчитать всего 10–15 дней занятий в месяц: за 4 года учебы дети смогли пройти только двухлетний курс обучения. Были и другие учителя, но они проработали год или менее, поэтому Ф. Окоти с 1880 по 1885 гг. приходилось возвращаться в школу. По инструкции властей основным предметом в школе был японский язык. Позднее вводились курсы агрономии, шелководства. Но, по воспоминаниям выпускников, они занимались главным образом японским языком и счетом, немного – географией. В 1880 г. было 70 учеников, однако многие айнские дети бросали школу, не доучившись; в 1884 г. был только один выпускник (*Ogawa* 2013: 309–314).

Семьи сахалинских айнов стали переселяться ближе к рыбным промыслам, в селения Ацута и Райсацу. В результате юные айны перестали приходить в школу Цуисикари. Они продолжали учебу вместе с японскими детьми в начальной школе Райсацу. В 1889 г. там уже обучалось 32 сахалинца (30 мальчиков и 2 девочки), в 1893 г. – 24 человека (22 мальчика и 2 девочки). В школу селения Ацута в 1886 г. поступили 20 детей сахалинских айнов. В 1905 г. губернаторство Хоккайдо на основе “Закона о покровительстве туземного народа” устроило в селении Райсацу начальную школу для туземцев, в которой начали учиться около 20 учеников. Небольшое количество учащихся объясняется сокращением к 1904 г. численности сахалинцев – они возвращались на родину: в Райсацу оставалось 35 дворов с населением 150 человек. На основе этих данных можно делать вывод о высокой степени охвата айнских детей школьным образованием. М. Огава обращает внимание на то, что школа в Цуисикари создавалась для ассимиляции сахалинцев. Вместе с тем сами родители желали дать образование своим детям, и доказательством этому служит тот факт, что они устраивали детей в школы Райсацу и Ацута, где те обучались с детьми японцев, и не пользовались финансовой поддержкой государства. После 1906 г. все сахалинские айны селения Райсацу вернулись на родину, и туземная школа была закрыта (*Ogawa* 2013: 315).

Для сахалинских аборигенов, большей частью занимавшихся рыболовством и охотой, новые условия жизни и пища были непривычны, и это отразилось на их здоровье. Скуденность туземных переселенцев привела к трагическим последствиям в периоды эпидемий холеры в 1878 г. и оспы 1886–1887 гг., когда погибло около 400 сахалинских айнов из 841 (*Akizuki* 1994: 254–255). С. Такакура считает, что это было и следствием психологического потрясения от вынужденной миграции: отрыв от своей земли и родных; неудобное и навязанное место расселения; неудачи в организации айнской кооперации (*Такакура* 1943: 457–461, 467).

Дж. Диксон, побывавший у айнов в Цуисикари в 1888 г., писал, что старые люди, как, например, вождь Тикобиру, с сожалением вспоминают о счастливом времени до 1875 г. на острове Карафуту. На новом месте переселенцы вели очень скромную

жизнь. Например, домик вождя не отличался роскошью, был простым, даже примитивным, и только по размеру был немного больше домов своих соплеменников. Переселенцы рыбачили, их основной пищей были рыба, рис, корни сараны. Они не могли охотиться на оленей, как хоккайдские айны, но охотились на медведей в окрестных горах. Сахалинцы были бесстрашными охотниками: когда луки оказывались маломощными и стрелы не достигали цели, смело шли на медведя с кинжалом. Некоторые айны работали грузчиками на новой железной дороге в поселении Пороной или помощниками конюха, пробавлялись случайной работой в г. Саппоро и у соседей, но в целом их жизнь зависела от рыбалки. Большинство айнов, пишет Дж. Диксон, были очень красивыми, с высоким, хорошо сформированным лбом и открытым лицом. Мужчины брили брови и стригли волосы сзади на шее. У них была горделивая и свободная походка *чистой расы*. Длинные бороды, как правило, были у стариков, но народ не был слишком волосатым. Женщины не были непривлекательными (Dixon 1883: 39–44). Общий вид айнов Сахалина поразил и Ф. Депрерадовича своей оригинальностью, вызвал у него симпатию. Он назвал мужчин “просто красивыми”, заметил легкую походку, не лишенную смелости и достоинства. Но впечатление от женщин было испорчено из-за их обычая наносить татуировку вокруг губ (Депрерадович 1875: 3–4). Один из айнов говорил Дж. Диксону, что они привыкли петь русские песни. Причиной переселения Дж. Диксон считал стремление японского правительства заселить северный остров в целях противодействия “агрессивным” намерениям России (Dixon 1883: 39–44).

Попытки Хоккайдской администрации превратить сахалинцев в типичных японских подданных провалились: мигранты оказывали пассивное сопротивление, не удавалось заставить их кооперироваться и заниматься фермерством. Многие мужчины покинули Цусикари и ушли рыбачить на Сахалин, где и оставались. В 1893 г. 11 айнов, а в 1895 г. 74 человека выехали на Сахалин для посещения родных могил и не вернулись, и так происходило ежегодно (Itoie 2016: 78).

Сахалинские айны в период русского управления островом (1875–1905 гг.). В период с 1875 по 1905 г. на Сахалине жили две группы айнов: те, которые *оставались на родине*, и те немногочисленные *исикари-айны*, которые были принудительно вывезены японскими властями в сентябре 1875 г. и затем постепенно возвращались на родину.

После насильственного переселения японскими властями части айнского населения в сентябре 1875 г. число селений и айнов в них значительно сократилось – до 50 селений и 960 человек, почти полностью опустели селения Анивского залива, некогда наиболее многолюдные (Перепись 1995 [1876]: 6–27).

Таблица 1

Данные о численности айнского населения в 1860–1897 гг.

Годы	1860-е	1873	1875	1876	1889	1895	1897
Южный Сахалин	3000	2370	2500	960	1296	1400	1168
Анивский округ			1100				
Западное побережье			750				
Восточное побережье			500				

Источники: Мицурь 1873: 126; Депрерадович 1875: 1–3; Перепись 1995 [1876]: 6–27; Лаббэ 1903: 15; Сахалинский 1895: 118; 1899: 67, 87.

По данным Табл. 1 видно, что в определенные периоды число айнов увеличивалось. Это объясняется более точной переписью населения туземных селений в первой половине 1870-х годов и постепенным возвращением населения *исикари-айну* в конце 1880-х. Резкое сокращение численности айнов в 1897 г. произошло после эпидемии оспы 1896 г.: в Корсаковском округе от болезни умерло 103 айна (Сахалинский 1899: 67, 87).

Оставшимся на Сахалине туземцам, по воспоминаниям айна Сэнтоку Тародзи, надо было привыкать к хлебу русских людей вместо риса (Сэнтоку 1929: 14–15). Сэнтоку, который жил в сахалинском айнском селении Найбучи, вел насыщенную жизнь: в 1903–1904 гг. он помогал Брониславу Осиповичу Пилсудскому в качестве учителя айнских детей и одновременно учился у него русскому языку (Пилсудский 1991 [1904]: 56). В 1929 г. в Японии Сэнтоку опубликовал небольшую, но интересную в этнографическом отношении работу “Эпизоды из жизни айнов Карафуту”.

Айны Сахалина по определению “Положения об инородцах” причислялись к кочевым инородцам, но правильнее было бы назвать их “оседлыми рыбаками”, для которых охота имела второстепенное значение. Перенятый у русских опыт строительства теплых изб позволял айнам отказаться от традиции устройства двух жилищ – летнего (поближе к рыбалке) и зимнего (землянки). Только в трех селениях (Наёро, Тарайка и Котанкес) айны на зиму делали землянки, выбирая места вдаль от морского берега. Зимы здесь были настолько суровыми, что спастись от холодов удавалось только так. Землянки были относительно теплыми и большими: в жилище площадью от 14 до 36 кв. м и глубиной 1,5 м, обустроенном одним или двумя очагами, могли размещаться две семьи, а порой и четыре-пять (Депредавич 1875: 3, 7; Сэнтоку 1929: 20). П. Лаббэ объяснил, почему айнские селения обычно состоят из небольшого числа дворов, тем, что часто под одной крышей могли проживать несколько семей общей численностью до 30 человек (Лаббэ 1903: 253, 268).

Дома русского типа некоторые айны строили начиная с 1901 года. К 1905 г. около четверти айнских семей на *восточном берегу* жили в 27 избах (из 95 жилищ). На *западном берегу* айны предпочитали строить дома японского типа: на 102 хозяйства насчитывалось всего 11 изб (Pilsudski 1998 [1907]: 331–332). Айны могли свободно переселяться с места на место, и особенно они старались делать это после череды болезней, считая, что над их селением “разразился гнев божий”, и намереваясь позднее вернуться на родную землю. Вообще навсегда покинуть места с могилами предков у айнов считается преступлением, если причиной этому не послужила страшная беда – “гибель людей в море” (Пилсудский 2000 [1905]: 47; 1905).

Коренные народы острова, кроме тунгусов и якутов, не несли никаких *общегосударственных и общественных повинностей, в том числе и воинской* (Сахалинский 1899: 87). У айнов существуют предания о том, что в прежние времена их народ вел кровавые войны с соседями, хоккайдскими айнами, гиляками, ороками, а также “с первобытными обитателями южной части острова... Тончами” (Анучин 1876: 92). Но теперь для мирных айнов “солдатчина – это страшный жупел”. Сахалинские айны видели преимущество жизни на Сахалине по сравнению с жизнью соплеменников на Хоккайдо в том, что воинской повинности здесь пока не было. Даже голодная зима 1904 г. не заставила их “единодушно” обратиться за помощью к администрации, поскольку они опасались, что за оказанную помощь власти потребуют от них “встать в ряды дружин”, чтобы отразить японский военный десант (Пилсудский 2000 [1905]: 44–45).

Власти острова отмечали, что к концу XIX в. большая часть инородцев была православной (Сахалинский 1899: 88), но все же о “крещеных” христианах-инородцах можно сказать, что они все в сущности “язычники” и в случае удачной рыбалки приносят “жертву своему языческому богу или, по примеру аинцев и гиляк, могут водрузить идола из стружек – илау” (Попов 1895: 11). И только в 1890-е годы, с заселением Южного Сахалина русскими поселенцами, стали появляться крещеные айны “свободного состояния”, в основном в селениях Большое Такоэ, Власовское, Галкино-Враское, Тунайча, Владимирское, Дубки. Незначительность числа крещеных айнов объясняется и тем, что единственный до 1880 г. священник Симеон Казанский жил на материке и приезжал на остров нечасто и ненадолго (Корсунская 1995: 188–191).

Жизнь айнского народа Южного Сахалина и сохранение его традиций были связаны с двумя основными факторами.

Во-первых, айны крайнего юга Сахалина находились под влиянием японских промыслов, на которых они вынуждены были работать еще с начала XIX в. (Поляков 1883: 109). Влияние японцев позволило в некоторой степени избежать голодных

смертей: бедствующие туземцы получали от них рис и рыбу, заготовленную “трудом тех же голодающих айнов”. При этом воздействие японцев как господствующей нации на нравы южных айнов было пагубным: “раболепие, двуличие, ложь, ябедничество, наущничество” (*Брылкин* 1864: 2–3, 35). Помощь японцев не была безвозмездной, так они сумели обеспечить для себя рабочую силу в количестве примерно 800 айнов. Поскольку степень зависимости айнов от поставок риса, саке и табака возросла, туземцы столкнулись с необходимостью работать на японских промыслах, отвлекаясь от собственных заготовок на зиму (*Мицуль* 1873: 126–127).

Во-вторых, айны северо-восточного и северо-западного побережий Южного Сахалина (Тарайка – на востоке, Уссуро – на западе) были в основном вне деятельности японских промыслов и отличались “чистотой туземного типа”, меньше всех испытывая японское влияние (*Депрерадович* 1875: 3, 18; *Анучин* 1876: 95). Айны Тарайки и Уссоро (численностью не больше 150) жили богаче, были абсолютно независимы от японцев и их культурного влияния. Они пользовались тем, что рядом с ними были “самые богатые соболиные промыслы”, добывали ценный мех и продавали русским купцам, что давало возможность вести довольно зажиточную жизнь. Ко времени прихода русских они находились под значительным влиянием соседей-гиляков: носили длинные косы, прибегали к заимствованиям в одежде, часто жили вместе (*Мицуль* 1873: 128–129). Вожди айнов Тарайки были очень смелыми, и о них сохранилось немало героических преданий (*Pilsudski* 1998 [1912]: 110).

Русские исследователи отмечали разницу в телосложении и в нравственных качествах южных и северных айнов. “Северные – бодрее, развитее и более самостоятельны, нежели южные, которые по большей части бывают тшедушные и при том замечается в них полное отсутствие самостоятельности” (*Августиневич* 1874: 39). Но еще в 1873 г. исследователи наблюдали, как добрые отношения поселенцев с айнами периодически нарушаются “по неосторожности местной власти”, что вызывало недоверие айнов к русским (*Мицуль* 1873: 132). Хотя статьи Симодского трактата 1855 г., напоминал Ф. Депрерадович, объявляли айнов независимым народом, русские власти должны были развивать у них “дух независимости и желание добиться полной от японцев независимости”. Айны Тарайки подчинились японцам только в 1870-е годы. Еще в 1860-х годах они прибегали к помощи русских властей и, хотя искомой поддержки не встретили, некоторое время противостояли японскому влиянию (*Депрерадович* 1875: 8, 18). Задолго до 1875 г. Г. Брылкин предупреждал, что если Сахалин окажется в руках русских, “то со стороны нашей должны быть сделаны пожертвования и приняты обдуманные меры, чтобы айно, лишенные материальной помощи со стороны японцев, не подвергались совершенной нищете...” (*Брылкин* 1864: 37).

Но Россия видела выгоду в морских промыслах японцев на острове, так как численности русского (вольного) населения было недостаточно для успешной экономической колонизации острова. В 1884 г. в казну поступила сахалинская пошлина на общую сумму 41 293 рублей. Японские рыбопромышленники выплатили 27 499 рублей за вывоз морепродуктов, а с русских промыслов промышленников Семенова, Демби и других поступило 13 000 рублей (*Сахалинский* 1895: 107–108, 119). Такое положение дел никак не улучшало жизнь айнов Сахалина.

Заработок айнов у японцев был очень маленьким, к тому же натуральным, за сезон они получали на 15 рублей: рис, саке, халат, свинец, пистоны, порох, табак, нитки для вышивания, платок, полотенце. За эту скудную плату мужчины все свое время были вынуждены работать на японцев. Айны платили за японские ружья “от 15 до 40 рублей, вернее 15–30 соболей” (*Кириллов* 1898: 6–65). Но “добрые друзья инородцев”, русские дельцы, продавали им ружья, стоящие 35–60 рублей, якобы “уступая им по знакомству за 10 хороших соболей, т.е. приблизительно 200 рублей” (*Пилсудский* 1995 [1907]: 30).

К началу XX в. более заметным было влияние японцев на жизнь айнов юга острова. Например, аборигены занимались огородничеством – больше всего под влиянием *исикари-айнов*, получивших этот опыт на Хоккайдо. Б. Пилсудский отмечал, что даже русским рыбопромышленникам Семенову, Демби было выгоднее иметь деловые отношения с японцами. Почти все южане, особенно молодежь, говорили на япон-

ском языке. Здесь заметно увеличилось число смешанных браков, было обычным сожителство айнских женщин с японскими рабочими – отсюда и распространение венерических болезней (*Пилсудский* 1995 [1907]: 38–39). Все это отрицательно влияло на демографическую ситуацию, айнские женщины мало рожали: обыкновенное число детей трое-пятеро, больше же восьмерых детей у них не было (*Анучин* 1876: 38; *Лаббэ* 1903: 280). Отмечается, что вековое японское господство, когда айнские женщины не только добровольно жили с японцами, но и были насильственно принуждаемы к такому сожителству, привело к смешению айнской и японской расы, особенно в селениях Маука, Кусун-Котан в заливе Анива и Тунайча. Но это оказало благоприятное влияние на внешность айнок, которых можно “не погрешив, назвать хорошенькими” (*Депрерадович* 1875: 66–67). Отмечалось и благотворное влияние японской культуры: “айны здесь менее разухабисты и более вежливы, в пьяном виде менее крикливы, что особенно заметно в соседних с русскими селлах”, опрятны в одежде и содержании дома (*Пилсудский* 1995 [1907]: 38–39). Однако в целом айны всех районов острова, к 1880-м годам потеряв значительную часть своих соплеменников, сохранили в “культурном, бытовом складе массу тех первобытных черт, которыми характеризовались их предшественники” (*Поляков* 1883: 109).

На отношения русских и инородцев негативное влияние оказали каторга и система ссыльнопоселенцев на острове. “Прежде айны имели родовые речки, причем, если не охотились сами, то отдавали в аренду гилякам, приезжающим к ним”. С распространением же на них временных правил об охоте в Приамурском крае 1894 г. айны перестали пользоваться юридическим правом на места охоты и постепенно были вытеснены промышленниками-поселенцами (*Кириллов* 1898: 65–66) с их хищническим отношением к природным ресурсам – в отличие от айнов, понимавших, что весенняя охота губит самок, вынашивающих детенышей (*Пилсудский* 2000 [1905]: 48–49).

Русские власти еще в 1860-е годы пытались предпринимать меры медицинского характера для защиты жизни инородцев Сахалина, но, к сожалению, это происходило нерегулярно, наездами из г. Николаевска (Амур), да и сами туземцы неохотно показывались врачу. Особенно бессильны медики были тогда, когда главной причиной болезней и ранних смертей туземцев оказывались часто повторяющиеся случаи голода (*Васильев* 1969: 20–23). Но уже к концу XIX в. *инородцы*, испытывавшие в последние годы ряд опустошительных эпидемий, с *большим доверием* стали относиться к медицинской помощи. Эпидемию оспы в 1897 г. удалось остановить “лишь поголовной прививкой предохранительной оспы” (*Кириллов* 1898: 73–74).

И уже к концу 1890-х годов айны, которые прежде *бежали от русских*, стали адаптироваться к совместному с ними проживанию. Наиболее смелые задержались около Большого Такоэ, Николаевское, Дубки, Наёро, Серароко, Косуная, Мауки. Не менее 20 человек хорошо говорили на русском языке, привыкли к хлебу, к элементам опрятности, к более удобной одежде русских. Появились состоятельные айны, работавшие на администрацию острова (*Кириллов* 1898: 74–76). Наделение айнов рыбными угодьями быстро и существенно повысило их материальное благосостояние. Мера эта вызвала у них искреннюю благодарность к русским властям (*Пилсудский* 1905).

Четыре поселения на севере восточного побережья – Тарайка, Тамарикес, Наёро и Котанкес – были тесно связаны с жизнью русской каторги и ссыльнопоселенцев, при этом аборигены в наиболее крупном селении Тарайка сохранили свои обычаи и язык. Селение же Наёро, находившееся недалеко от русского селения Тихменевская, оказалось под большим влиянием русских. Это была “энергичная, трудолюбивая артель”, имеющая лошадей, рогатый скот. В основном они возили почту с севера, хотя и жаловались на трудности обслуживания военных отрядов, почты, а также на притеснения со стороны русских поселенцев. На севере уже наблюдался процесс социального расслоения туземцев, выделение из них более богатых и предприимчивых айнов: Богунки в селении Аях, также и южнее: Коськи и Чисьби в селении Маука. Б. Пилсудский пишет: “Следует заметить, что здесь эксплуатация айнов значительно ослабла, почти исчезла, они тут вполне ориентировались в денежном меновом хозяйстве и, конечно, могли правильнее оценить продукты своего и чужого труда” (*Пилсудский* 1995 [1907]: 31–32, 34, 37).

Русская администрация не занималась устройством школ для инородцев, хотя это могло бы стать немаловажным фактором приобщения коренного народа к русскому образу жизни, по аналогии с действиями японцев на Хоккайдо. Летом 1902 г. Б. Пилсудский, будучи в Маука, был поражен “обилием обучающихся японской грамоте” молодых айнов. Из его отчетов 1904–1905 гг. об айнских школах в поселениях Найбучи и Наёро видно, что до его собственных попыток устроить систематическое обучение аборигенов письму, арифметике и чтению на русском языке там ничего подобного не предпринималось (*Пилсудский* 1991 [1904]: 56–60).

Большинство же айнов не видели никакой поддержки русских властей, больше тяготели к приезжим японским рыбопромышленникам, не обращая внимания на то, что последние постепенно занимали все больше бухт и загораживали рыбу, которая пошла бы в речки к айнам. Они не могли отказаться от употребления в пищу риса, который получали, только работая на японцев, и окончательно попали в зависимость от них (*Анучин* 1876: 121–122).

Исикари-айны. Первое возвращение *исикари-айнов* в родные места, в Кусункотанский район, возможно, состоялось в 1887 г.: они приезжали поодиночке или группами к родным могилам, устраивались на японских промыслах Сахалина, где многие и оставались (*Tazaki* 1992: 269). Затем это стало происходить почти ежегодно, и к началу XX в. они уже приезжали с семьями или обзаводились ими на Сахалине: всего 102 мужчины и 101 женщина (*Пилсудский* 1995 [1907]: 42–43). Возвращение *исикари-айнов* объяснялось не только экономическими трудностями жизни на Хоккайдо, но и тем, что на Сахалине “айны свободны от введенных уже для их собратьев в Японии воинской повинности, налогов, все увеличивающихся, прикрепления к точно указанным клочкам земли” (*Пилсудский* 1905).

Известный айн Ямабэ Ясуносукэ, участник японской полярной экспедиции (1910–1912 гг.), писатель и просветитель, писал, что через два-три года вслед за ним из Цуисикари переехали на Сахалин около 30 человек (*Yamabe* 1913: 60–69). На Сахалине Я. Ямабэ (у Б. Пилсудского Яманобэ) поселился в селении Тоннай, работал у японского рыбопромышленника и здесь встретился с Б. Пилсудским, которому помогал в сборе айнского фольклора. Пилсудский отзывался о нем как о знатоке айнских сказок, прекрасно владевшим айнским языком и традиционной манерой изложения древних легенд как Сахалина, так и Хоккайдо (*Pilsudski* 1998 [1912]: 221). В дальнейшем Я. Ямабэ работал с известным японским ученым-айноведом Кинданти Кёсукэ, который помог ему в подготовке и издании книги “Айну моногатари”. Работа написана на двух языках: японском и подстрочном айнском (катаканой) и сопровождается словарем сахалинского айнского языка.

Б. Пилсудский пишет, что смутные времена насильственного переселения, непривычные для айнов условия жизни на Хоккайдо отразились на их психике: среди них было много душевнобольных, особенно среди женщин. Но вместе с тем они, хорошо зная японский язык, приобрели опыт в странствиях и энергию и уже не давали себя в обиду японским рыбопромышленникам на Сахалине. Японцы же охотно их нанимали, учитывая их прилежание и расторопность. Вернувшись в родные места айны юридически, по Токийскому дополнительному соглашению 1875 г., оставались подданными Японии. К ним применялись статьи промысловых правил для рабочих – иностранных подданных, запрещались совместные работы с родственниками на Сахалине, “хотя они вошли в неразрывную связь с обществами отдельных селений и беспрепятственно прожили тут целый ряд лет” (*Пилсудский* 1995 [1907]: 42–43; 2000 [1905]: 53).

Исикари-айнам, таким образом, было выгоднее переходить в русское подданство, но прежде надо было получить согласие японской стороны, которое та давать не хотела. И только в 1903 г. было разрешено без согласия японских властей подавать прошение о русском подданстве. Б. Пилсудский смог помочь некоторым айнам подготовить нужные бумаги, и распоряжением Приамурского генерал-губернатора все просители стали подданными России. Но с началом войны в 1904 г. айны перестали подавать прошения из страха перед японцами. И “снова, как лет 30–50 назад, попали они, ни в чем не повинные, между молотом и наковальней” (*Пилсудский* 1995 [1907]: 44).

Непрочное положение айнов, которые помнили историю насильственных миграций в русско-японском противостоянии, а также усиливавшаяся экономическая зависимость от японцев вызвали особое отношение айнов к русским в войне 1904–1905 гг. Большинство старалось не вмешиваться в военные дела, а с приходом японцев они пытались скрыть свое отношение к русским. Известна печальная история жены-айнки и детей Б. Пилсудского, которых айнская семья категорически запретила ему увезти с собой с Сахалина. После смерти брата Юзеф Пилсудский пытался найти его семью через официальные каналы в Японии, но айны из страха перед японцами скрыли все сведения о ней (Нонака 2008 [1933]). Были и такие айны с японских рыбпромыслов, например в Маука, которые помогли японской армии в поимке русских солдат в лесах Сахалина (Fujimura 1994: 269).

Таким образом, русское правительство и администрация Сахалина, хотя прямо и не вмешивались в жизнь *инородцев*, но не проявляли при этом и большой заинтересованности в решении их проблем, особенно в вопросе защиты от несправедливой эксплуатации на японских рыбных промыслах. Японские предприниматели обязаны были подчиняться местным властям и “никаких обид и притеснений местному населению не делать” (Сахалинский 1895: 119), что практически не контролировалось ввиду слабости административного аппарата острова, больше занятого делами каторжной системы. Только с привлечением политических ссыльных, образованных и проявлявших не только научный интерес, но и сочувствие к коренным народам (Л. Штенберг, Б. Пилсудский и др.), с конца 90-х годов XIX в. появилась возможность изучить жизнь сахалинских айнов и привлечь к ним внимание русской и мировой общественности.

Но время, как показали события русско-японской войны, после которой Россия была вынуждена уступить Южный Сахалин, было безнадежно упущено. Кроме того, существование на Сахалине каторги, а также ссыльнопоселенцев, оказавших общее негативное влияние на социально-экономическое положение острова, отрицательно отразилось и на жизни коренных народов, и на их отношении к русским.

Сахалинские айны в период японского управления на Южном Сахалине (Карафуто) в 1905–1945 гг. В результате поражения России в русско-японской войне, по условиям Портсмутского мирного договора 1905 г., Южный Сахалин перешел к Японии. Таким образом, сахалинские айны, оставаясь на своей родине, оказались в другом государстве. На Сахалин возвращались вынужденные мигранты – *исикари-айны*. И. Тадзаки пишет, что очень трудно определить, когда, каким образом и в каком количестве они вернулись на Карафуто. Есть некоторые данные, что до и после 1905 г. на Сахалин уехало 366 человек. По официальным сведениям, на Хоккайдо к 25 июля 1904 г. числилось 217 сахалинских айнов, но сколько их было на самом деле, неизвестно. По косвенным же данным, к 1905 г. там оставалось около 100 человек. С августа 1905 г. начал совершать регулярные рейсы пароход из Отару в Корсаков. Для организации перевозки айнов на Сахалин в Хоккайдском колонизационном банке была взята ссуда (1300 иен). Среди ожидавших отъезда на родину были в основном старики, женщины с детьми и те молодые айны, которые не могли оплатить проезд. 29 июня 1906 г. было отправлено судно со 130 айнами на борту (Tazaki 1992: 247–251).

С. Ясиро считал, что на Южном Сахалине к 1906 г. жил 1291 айн (695 мужчин 596 женщин) (Yasiro 1927: 16), а по данным Б. Пилсудского 1904 г. – 1362 человека (713 мужчин и 649 женщин) (Pilsudski 1998 [1907]: 333). К 1907 г. данные С. Ясиро изменились, показав резкое увеличение числа айнов – до 1919 человек (1107 мужчин и 812 женщин) (Yasiro 1927: 16). К сожалению, объяснения того, каким образом произошло увеличение на 628 человек, нет, но можно предположить, что на Сахалин переехала и часть хоккайдских айнов, причем мужчин.

Исикари-айны возвращались на родину, где они с древности жили в свободе и могли селиться там, где можно было получить от природы все для традиционного образа жизни. В 1906 г. они смогли поселиться лишь в Тирай, Тарандомари, Отихо, так как теперь они могли устраиваться только в указанных японскими властями местах. Для них устанавливались строгие ограничения на рыбный промысел, вырубку леса. Кроме того, сахалинские айны, как и хоккайдские, облагались налогом, несли

военную службу, платили за образование своих детей (Yasiro 1927: 13). Они не могли жить по-прежнему, как надеялись.

Японское правительство долгое время формально разделяло айнов Сахалина: *усикари-айны* признавались японскими подданными с 1905 г., а те, кто оставался на Сахалине в 1875–1905 гг., смогли войти в систему посемейных записей только после длительных судебных тяжб – с 1 января 1933 г. (Howell 2005: 187).

Сахалинцы вновь должны были переселяться, когда японская администрация в 1908 г. задумала создать туземные *бураку* (поселения), чтобы айнов можно было лучше опекать и организовать школьное образование (Yasiro 1927: 13; Yamamoto 1933: 4). На западном побережье центром айнских *бураку* стал Маука, на юге – Тарандомари, на севере – Кумэкомай, Тоупуцу, Томариоро; это были места наиболее крупных традиционных рыбных промыслов. К практическому осуществлению этой программы губернаторство Карафуто приступило в 1912–1915 гг., определив по пять поселений на западном и восточном побережьях. Таким образом, около 1300 айнов были вынуждены переселяться в 10 *бураку*: Отихо, Сирахама, Тарайка, Касио, Ниитой, Тарандомари, Тофуцу, Тирай, Комосиро, Такарадзаха (Nishitsuru 1942: 1). Если вспомнить, то в 1904 г. Б. Пилсудский определил существование на юге Сахалина 49 айнских селений (Pilsudski 1998 [1907]: 331–332), которые в экологическом отношении могли более или менее самостоятельно обеспечивать себя пропитанием.

Укрупнение айнских поселений продолжалось и позже. Конечно, целью укрупнения было уничтожение традиционного образа жизни айнского народа для получения полного контроля над их жизнью. Так, айнка из Ниитой Такаи Ёнэ рассказывала, что ее селение было образовано в 1919 г. путем объединения семи соседних поселений, каждое из которых традиционно состояло из трех-пяти дворов у нерестовых речек. В центре с. Ниитой находились торговая лавка, ресторанчик, школа и полицейский участок. Но все же айны сохранили кое-что из своей культуры. Ё. Такаи помнит, что зимой по вечерам собирались айны, взрослые и дети, и замороженно слушали легенды (*hawki*) старейшины Касугасабуру (Fujimura 1994: 3–9). Со временем все больше мужчин-айнов стали работать на расширяющихся промыслах японцев. В годы Второй мировой войны айнские мужчины добровольно или принудительно вербовались в японскую армию (Ohnuki-Tierney 1974: 9–10).

Только айны *северо-западной части Южного Сахалина* ввиду удаленности не подверглись ассимиляции, а власти Карафуто не стали их переселять (Kitahara et al. 2000: 1). Японское влияние на айнов северо-западного побережья было слабым. Первые японские предприятия появились там в 1924 г. В контакт с японцами вступали в основном мужчины-айны, работавшие у них, а айнских детей здесь не заставляли ходить в школы, как это было в других районах. Здесь айны сохранили традиционный образ жизни. Из-за малой плотности населения общественная структура здешних айнов носила неформальный характер, большинство видов деятельности осуществлялось или отдельными семьями, или родственными группами. Э. Онуки-Тирни считает, что их судьба значительно отличается от судьбы *усикари-айнов*. Во-первых, они не бывали в эмиграции на Хоккайдо в 1875 г., во-вторых, находились в более дружественных отношениях с русскими, работали на их рыбных промыслах, ходили за их скотом (Ohnuki-Tierney 1974: 9–12).

В 1907–1911 гг. чиновники губернаторства Карафуто проводили регулярное обследование всех районов проживания айнов. В этом мероприятии принимал участие и айн Тири Масио, работавший почтовым начальником в с. Отихо с 1911 г., – в будущем профессор Хоккайдского университета, известный исследователь-айноведа (Tamura 2014: 56). В 1909 г. на Карафуто проживало 2108 айнов, но к 1923 г. их численность уменьшилась до 1228 человек. Очередное обследование было проведено в 1927 г. для выяснения условий такого резкого сокращения аборигенов. В отчете отмечались, во-первых, недостаточность медицинского обслуживания (отсюда высокая смертность от традиционных болезней); во-вторых, крайняя бедность. Кроме того, особо указывалось на низкую “детородную способность” айнских женщин, связанную с тяжелым трудом и отсутствием врачей. В отчете говорилось о необходимости срочной организации государственной врачебной помощи на острове (Yasiro 1927: 15).

В 1928 г. на Карафуте было уже 1524 айнов (371 двор), но в 1943 г. их число снова сократилось – до 1300 (*Yamatoto* 1943: 4). Объяснения этому нет, но исходя из того, что эпидемий в то время не было, можно предположить, что часть айнов переселилась на Хоккайдо, часть могла называть себя не айнами, а японцами. О степени *японизации* можно судить по тому, что все интервьюируемые учеными айны в послевоенный период не имели айнских имен и фамилий, хотя помнили многие айнские традиции (*Fujimura* 1994).

Таким образом, время с 1905 г. и до конца Второй мировой войны было периодом интенсивной *японизации* айнов Сахалина. Хотя Д. Хауэлл замечает, что к японцам айны причислялись по мнению властей, при этом само японское общество не признавало их равными (*Howell* 2005: 193). Действительно, наибольшую степень дискриминации сахалинским айнам, как и хоккайдским, внешне отличавшимся от японцев, пришлось испытать в повседневной жизни, когда они оказались после войны на Хоккайдо.

Сахалинские айны в советский период (1945–1948 гг.). В послевоенный период, в 1945–1948 гг., более тысячи сахалинских айнов уехало в Японию. В 1946 г. Б.А. Жеребцов в ходе переписи айнов на Сахалине установил, что их численность составляет 1159 человек. Вначале Сахалин покинули те, у кого были родственники на Хоккайдо и кто назвался японцем. В 1948 г. советские власти разрешили выехать и всем желающим айнам. К началу 1949 г. их оставалось меньше сотни, да и те впоследствии уехали (*Арутюнов* 1988: 39–40). Следует заметить, что это был процесс репатриации (возвращение на родину или в страну гражданства). Трагедией айнского народа было то, что люди покидали историческую родину, могилы предков, становились вынужденными мигрантами, но возвращались в страну гражданства, в Японию. По свидетельству не покинувших по разным причинам Сахалин японцев, а также по наблюдениям японских этнологов, среди оставшихся были и айны, которые сами не знали о своем этническом происхождении. Когда-то их родители скрыли это, чтобы избежать дискриминации. По сравнению с 1875 г., когда выехало только 35 процентов сахалинских айнов, в конце 40-х годов XX в. произошел их полный исход с родного острова. Сахалинских айнов, в 1946–1948 гг. приехавших с Сахалина, поселили на о. Хоккайдо: большинство в Вакасаканай (в 1965 г. там проживало 150 сахалинских айнов) и в Токоро (*Ohnuki-Tierney* 1974: 9–12).

Х. Фудзимура в конце 1990-х годов провел с группой сахалинских айнов интервью о жизни на Сахалине и о том, как они покидали родные места. Все участники интервью помнят ужас первых дней поражения Японии осенью 1945 г. – японские военные запугивали как японцев, так и айнов жестокой расправой со стороны победителей, а именно советских войск, над мирным населением острова. И жители бежали, скрываясь в лесу и в горах, предпочитая умирать там, а не от рук русских солдат. С трудом, особенно из-за того, что стороны не понимали языка друг друга, советским военным удалось успокоить перепуганных людей, вернуть их домой, организовать питание, работу. Советской власти на Сахалине были нужны трудолюбивые люди – как японцы, так и айны. Последние в большинстве работали на рыбных промыслах и рыбоперерабатывающих предприятиях. Несмотря на хорошее отношение со стороны советской власти и прибывавшего русского населения, все они хотели уехать в Японию, на Хоккайдо, чтобы или соединиться там с родственниками, или обеспечить себе привычную среду обитания. Так, например, Цуяма Айко из Сирахама рассказывала, что они работали на кирпичном заводе, сдружились с русскими женщинами, работавшими наравне с ними, за работу получали хлеб, сахар и масло. Но им не хватало риса! Нисиха Китаро (Сирахама) рассказывал, что русские, с которыми он уже хорошо общался, уговаривали его не уезжать (*Fujimura* 1994).

Автору в 1990-е годы довелось встретиться с сахалинскими айнами, приезжавшими на Сахалин для поднесения священных *инау* родным местам и могилам предков, а в 2002 г. – присутствовать при разговоре с пожилой айнкой в Вакасаканай (Хоккайдо), сохранившей в памяти историю жизни на Сахалине и печального периода репатриации. На вопрос, почему сахалинцы оставались жить в Вакасаканай, она ответила, что это место находится рядом с родиной, Карафуте, и они надеялись снова вернуться домой.

Таким образом, японское правительство, проводя в период 1905–1945 гг. целенаправленную политику *японизации* коренного народа Южного Сахалина, в итоге достигло своей цели. Поэтому, несмотря на то что Советский Союз признавал айнов как коренной народ Южного Сахалина и не препятствовал их жизни на своей земле (Арутюнов 1988), все они предпочли уехать с японцами, чтобы оставаться в дискриминирующем их обществе ради сохранения привычного (по языку и другим признакам) образа жизни. Они надеялись, что сумеют преодолеть лихие времена, оказавшись на острове, где живут их соплеменники, хоккайдские айны, с которыми им приходилось в предыдущей миграции жить совместно и вступать в родство. Японские власти сделали многое для ассимиляции айнов, в среде которых практически ничего не осталось от русского влияния периода до 1905 г. Хотя, справедливости ради отметим, царское правительство России и не смогло, как мы указывали выше, значительно повлиять на коренное население Сахалина, особенно в отношении улучшения условий их жизни, которое предлагал Б. Пилсудский в своем “Проекте”, составленном по предложению сахалинской администрации в 1905 г. (Пилсудский 2000 [1905]).

Сахалинские айны, будучи заложниками противоречий России и Японии (которые усиливали и западные державы, имевшие свои корыстные интересы на Дальнем Востоке (Файнберг 1960), не раз становились вынужденными мигрантами. В конце концов им пришлось навсегда покинуть свою родину – Южный Сахалин.

Источники и материалы

- Августинович 1874 – Августинович Ф.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине (очерк и заметки из девятимесячного дневника). СПб.: Общественная польза, 1874.
- Брылкин 1864 – Брылкин Г. Письма Г. Брылкина с Сахалина // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. VII. Иркутск, 1864. С. 1–54.
- Васильев 1870 – Васильев Н.П. Поездка на остров Сахалин // Архив судебной медицины. 1870. № 2. С. 20–26.
- Кириллов 1898 – Кириллов Н. Айно (предварительное сообщение) // Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалин. Сахалин, 1898. С. 38–80.
- Лаббэ 1903 – Лаббэ П. Остров Сахалин. Путевые впечатления. М.: Тип. Владимир Чичерин, 1903.
- Перепись 1995 [1876] – Перепись айнов Южного Сахалина 1876 г., проведенная А.Я. Радковским // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. 1995 [1876], № 1. С. 6–27.
- Поляков 1883 – Поляков И.С. Путешествие на Сахалин. 1881–1882. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883.
- Попов 1895 – Попов Н. Река Поронай и ее инородческое население // Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина. Сахалин, 1895. Отдел 2. С. 3–5.
- Пилсудский 1905 – Пилсудский Б. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалин. 1905. // Архив ОИАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–70.
- Сахалинский 1895 – Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина 1896 г. В Типографии на острове Сахалин, 1895.
- Сахалинский 1899 – Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалин на 1899 год. В Типографии на острове Сахалин, 1899.

Научная литература

- Анучин Д.Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. Племя Айнов. М.: Тип. С. Архипова, 1876.
- Арутюнов С.А. (ред.) Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.). Южно-Сахалинск: ИМГИГ ДВО АН СССР, 1988.
- Депрерадович Ф. Этнографический очерк Южного Сахалина // Сборник историко-статистических сведений Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Русская старопечатня, 1875. С. 1–48.
- Корсунская Н.Д. Метрические книги церквей острова Сахалина как источник информации о народах Сахалина // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 186–192.
- Мицуй М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873.
- Нонака Фуmio. Почему плачет старуха-мэноко из села Сирохама // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2008 [1933]. № 12. С. 125–140.

- Пилсудский Б.* Краткий предварительный отчет об айнской школе в Корсаковском округе в 1903/4 гг. // Краеведческий бюллетень. 1991. № 3. С. 56–60.
- Пилсудский Б.* Проект правил об устройстве быта и управлении айнов с краткими объяснениями отдельных пунктов // Известия наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2000 [1905]. № 4. С. 41–61.
- Пилсудский Б.* Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1995 [не ранее 1907 г.]. № 1. С. 28–46.
- Подпечников В.Л.* Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 102–118.
- Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Восточная литература, 1960.
- Dixon J.M.* The Tsuishikari Ainos // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1883. Vol. 11. P. 39–50.
- Howell D.L.* Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan. Los Angeles: University of California Press, 2005.
- Inoue Koichi.* A Case Study on Identity Issues with Regard to Enchiws (Sakhalin Ainu) // Journal of the Center for Northern Humanities. 2016. Vol. 9. P. 75–87.
- Ohnuki-Tierney E.* The Ainu of the Northwest Coast of Southern Sakhalin. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1974.
- Ogawa Masahito.* A History of Tsuishikari School: From the Viewpoint of the History of the Children of the Sakhalin Ainu Forcibly Relocated // Hokkaido ritsu Ainu minzoku bunka kenkyu senta. Kyoikugaku kenkyu. 2013. Vol. 80 (3). P. 309–321.
- Pilsudski B.* Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912) // The Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
- Pilsudski B.* Statistical Data on Sakhalin Ainu for the Year 1904 [1907] // The Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 331–345.

На японском языке

- Akizuki Toshiyuki.* Nichiro kankei to Sakharinto [Японо-русские отношения и о. Сахалин]. Wakumatsu Meiji syonen no ryodo mondai. Tokyo: Chikuma Shobo, 1994.
- Fujimura Hisakazu* (ed.). Henke to Ahachi. Kiki kaki Karafuto no kurasi, sosite hikiage [Воспоминания айнов о Карафуту и репатриации]. Sapporo: Sapporo TV Broadcasting, 1994.
- Kitahara Jirota, Tangiku Itsuji, Tamura Masato.* Karafuto ainu bunka tyosa hokokusyo [Сообщение об итогах исследования культуры айнов Карафуту]. Tiba: Tiba daigaku, 2000.
- Nishitsuru Sadaka.* Karafuto Ainu [Айны Карафуту]. Sapporo: Sansyusa, 1942.
- Sentoku Taroji.* Karafuto Ainu souwa [Эпизоды из жизни айнов Карафуту]. Tōkyō, Shikodo, 1929.
- Takakura Sin'ichiro.* Ainu seisakusi [История айнской политики]. Tōkyō: Nihon hyogonsya, 1943.
- Tamura Masato.* Torii ryūzō no Karafuto-chō shokutaku to shite no 1912-nen Saharin chōsa [Исследования Тории Рюдзо в Карафуту в 1912 г.] // Josef Kreiner. Nihon to wa nani ka. Tōkyō: Hakkojo, 2014. P. 55–77.
- Tazaki Isamu.* Tsuishikari kyosei idjyu Karafuto Ainu kiroku [Воспоминания айнов Карафуту о насильственном переселении в Цуисикари] // Ganno ishibumi: Karafuto Ainu kyōsei ijū no rekishi. Sapporo: Hokkaidō shuppan kikaku senta, 1992. P. 39–294.
- Yamabe Yasunosuke.* Ainu monogatari [Айнская повесть]. Tōkyō: Nakubunkan, 1913.
- Yamamoto Yuukoo.* Karafuto Ainu no juuku [Жилища айнов Карафуту]. Tōkyō: Sagami syobo, 1943.
- Yasiro Syuuji* (ed.). Karafuto ainu no kenkyu: tokuni sono jinko gensyō mondai ni tsuite [Исследования об айнах Карафуту: относительно проблем сокращения их численности]. Yasiro Syuji, 1927.

Research Article

Lim, S.C. From the History of the Sakhalin Ainu – Forced Migrants, 1875–1948 [Из истории сахалинских айнов – вынужденных мигрантов: 1875–1948 гг.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086954150000410-1> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Sofya Lim | <http://orcid.org/0000-0002-5294-8608> | Lcsafia@yandex.ru | Far Eastern Federal University | (8 Sukhanova St., Vladivostok, 690091, Russia)

Keywords

Japan, Russia, South Sakhalin, Karafuto, Hokkaido, Sakhalin Ainu, migration, assimilation, Ishikari-Ainu

Abstract

Over the course of their long history, the Ainu people retained their cultural identity in the Far Eastern Islands (Honshu, Hokkaido, Sakhalin, and the Kuril). In the nineteenth century, the Ainu were still subdivided into the Kuril, Sakhalin (Karafuto), and Hokkaido groups, which had distinct ways of life and language dialects. The article discusses some aspects of the history of the group of Sakhalin Ainu (endonym: enchiw) in 1875–1948 and focuses on the causes of their forced migrations as well as the specificities of their assimilation in the context of confrontation between Russia and Japan in the Far East. During the period under consideration, the people experienced three migration waves: in 1875, a part of the population was forcibly displaced and resettled to Hokkaido; in 1905, following the defeat of Russia in the war with Japan, the people returned to Sakhalin; during the third migration of the late 1940s, nearly all of the Sakhalin Ainu abandoned their native lands, and they live in Japan nowadays.

DOI: 10.31857/S086954150000410-1

References

- Akizuki Toshiyuki. 1994. *Nichiro kankei to Sakharinto. Bakumatsu Meiji syonen no ryodo mondai* [Japanese-Russian Relations and the Sakhalin]. Tokyo: Chikuma Shobo.
- Anuchin, D.N. 1876. *Materialy dlia antropologii vostochnoi Azii: plemya Ainov* [Materials for the Anthropology of East Asia: The Tribe of Ainu]. Moscow: Tip. S. Arkhipova.
- Arutyunov, S.A., ed. 1988. *Materialy issledovaniia B. Zherebtsova po etnografii ainov Yuzhnogo Sakhalina (1946–1948)* [Materials of Research by B.A. Zherebtsov on the Ethnography of the Ainu of Southern Sakhalin (1946–1948)]. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGIG DVO AN SSSR.
- Depreradovich, F. 1875. *Etnograficheskiĭ ocherk Yuzhnogo Sakhalina* [An Ethnographic Sketch of Southern Sakhalin]. In *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii Sibiri i sopredel'nykh ei stran* [A Collection of Historical and Statistical Data on Siberia and Adjacent Countries], 1 (1): 1–48. St. Petersburg: Russkaya staropechatnya.
- Dixon, J.M. 1883. The Tsuishikari Ainos. *Transactions of the Asiatic Society of Japan* 11: 39–50.
- Fainberg, E. 1960. *Russko-yaponskiye otnosheniya v 1697–1875* [Russian-Japanese Relations in 1697–1875]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Fujimura Hisakazu, ed. 1994. *Henke to Ahachi. Kiki kaki Karafuto no kurasi, sosite hikiage* [Ainu Reminiscences about Karafuto and Repatriation]. Sapporo: TV Broadcasting.
- Howell, D.L. 2005. *Geographies of Identity in Nineteenth-Century Japan*. Los Angeles: University of California Press.
- Inoue Koichi. 2016. A Case Study on Identity Issues with Regard to Enchiws (Sakhalin Ainu). *Journal of the Center for Northern Humanities* 9: 75–87.
- Kitahara Jirota, Tangiku Itsuji, and Tamura Masato. 2000. *Karafuto ainu bunka tyosa hokokusyo* [Study on Karafuto Ainu: Specifically, on the Problem of Reduction in Their Numbers]. Tiba: Tiba daigaku.
- Korsunskaya, N.D. 1995. *Metricheskie knigi tserkvei ostrova Sakhalina kak istochnik informatsii o narodakh Sakhalina* [Metric Books of the Churches of Sakhalin Island as a Source of Information about the Sakhalin Peoples]. In *Istoricheskie chteniya. Trudy Gosudarstvennogo arkhiva Sakhalinskoi oblasti* [Historical Readings: Proceedings of the State Archive of the Sakhalin Region], 1: 186–192. Yuzhno-Sakhalinsk.
- Mitsul, M.S. 1873. *Ocherk ostrova Sakhalina v sel'skokhozyaĭstvennom otnoshenii* [An Essay on the Island of Sakhalin in Agricultural Terms]. St. Petersburg.
- Nishitsuru Sadaka. 1942. *Karafuto Ainu*. Sapporo: Sansyusya.
- Nonaka Fumio. 2008 [1933]. *Pochemu plachet starukha-menoko iz sela Sirokhama* [Why Does the Old Menoko from the Village of Sirohama Cry?]. In *Izvestiia Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo* [Proceedings of the Bronislaw Pilsudsky Institute], 12: 125–140. Yuzhno-Sakhalinsk.
- Ogawa Masahito. 2013. A History of Tsuishikari School: From the Viewpoint of the History of the Children of the Sakhalin Ainu Forcibly Relocated. *Hokkaido ritsu Ainu minzoku bunka kenkyu senta. Kyoikugaku kenkyu* 80 (3): 309–321.
- Ohnuki-Tierney, E. 1974. *The Ainu of the Northwest Coast of Southern Sakhalin*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Pilsudski, B. 1998 [1907]. *Statistical Data on Sakhalin Ainu for the Year 1904*. In *The Collected Works of Bronislaw Pilsudski*, 1: 331–345. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Pilsudski, B. 1998 [1912]. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912)*. In *The Collected Works of Bronislaw Pilsudski*. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter.

- Pilsudskii, B. 1991 [1904]. *Kratkii predvaritel'nyi otchet ob ainskoi shkole v Korsakovskom okruge v 1903/4 gg.* [A Short Preliminary Report on the Ainu School in the Korsakov Region in 1903–1904]. *Kraevedcheskii biulleten* 3: 56–60.
- Pilsudskii, B. 1995 [1907]. *Nekotorye svedeniya ob otdel'nykh ainskikh stoibishchakh na o. Sakhaline* [Selected Information on Individual Ainu Settlements on the Island of Sakhalin]. In *Istoricheskie chteniia. Trudy Gosudarstvennogo arkhiva Sakhalinskoï oblasti* [Historical Readings: Proceedings of the State Archive of the Sakhalin Region], 1: 28–46. Yuzhno-Sakhalinsk.
- Pilsudskii, B. 2000 [1905]. *Proekt pravil ob ustroistve byta i upravlenii ainov s kratkimi ob'iasnieniami otdel'nykh punktov* [A Draft of Rules for the Establishment of Authority over the Sakhalin Ainu with Short Explanations on Particular Points]. *Izvestiia nasledii Bronislava Pilsudskogo* [News of Bronislav Pilsudsky's Legacy], 4: 41–61. Yuzhno-Sakhalinsk.
- Podpechnikov, V.L. 1993. *Repatriatsiia* [Repatriation]. *Kraevedcheskii biulleten* 1: 102–118.
- Sentoku Tarōji. 1929. *Karafuto Ainu souwa*. Tokyo, Shikodo.
- Takakura Sin'ichiro. 1943. *Ainu seisakushi* [History of the Ainu]. Tokyo: Nihon hyoronsya.
- Tamura Masato, 2014. *Torii Ryūzō no Karafuto-chō shokutaku to shite no 1912-nen Saharin chōsa* [Studies of Torii Ryuzo in Karafuto in 1912]. In *Nihon to wa nani ka*, edited by Josef Kreiner, 55–77. Tokyo: Hakkojo.
- Tazaki Isamu. 1992. *Tsuishikari kyosei idjyu Karafuto Ainu kiroku* [Notes of Karafuto Ainu of Forced Relocation in Tsuisikari]. In *Gan no ishibusi: Karafuto Ainu kyōsei ijū no rekishi*, 39–294. Sapporo: Hokkaido shuppan kikaku senta.
- Yamabe Yasunosuke. 1913. *Ainu monogatari* [An Ainu Story]. Tokyo: Hakubunkan.
- Yamamoto Yuukoo. 1943. *Karafuto Ainu no jyukyo* [Houses of the Karafuto Ainu]. Tokyo: Sagami syobo.
- Yasiro Syuuji, ed. 1927. *Karafuto ainu no kenkyu: tokuni sono jinko gensyō mondai ni tsuite* [A Study of the Sakhalin Ainu: Especially on the Population Decline Problem]. Yasiro Syuji.